

Министерство образования и науки России
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Казанский национальный исследовательский
технологический университет»

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Сборник материалов
Международной молодежной научной школы

5–6 сентября 2012 г.

Том 2

Казань
Издательство КНИТУ
2013

Коллектив авторов

**Историческая память
и диалог культур. Том 2**

«БИБКОМ»

2013

УДК 930
ББК 63.3

Коллектив авторов

Историческая память и диалог культур. Том 2 / Коллектив авторов — «БИБКОМ», 2013

Сборник содержит статьи участников Международной молодежной научной школы «Историческая память и диалог культур», состоявшейся в Казани в 2012 г. Адресован научным работникам, преподавателям, аспирантам и студентам.

УДК 930

ББК 63.3

© Коллектив авторов, 2013

© БИБКОМ, 2013

Содержание

СЕКЦИЯ 2	5
Н.С. Авдоница	5
М.А. Адамов	11
Р.В. Болдырев	16
И.А. Бочарова, Л.Х. Авшалумова	22
Е.В. Габдрахманова, И.Э. Мингазов	24
П.И. Гайденко	27
Е.Х. Гезалова, Н.Б. Мамедова	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Историческая память и диалог культур. Том 2

СЕКЦИЯ 2 СОДЕРЖАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Н.С. Авдони́на ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ И МЕТАМОРФОЗЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

За время своего существования любая нация накапливает объемный багаж исторической памяти, выражающийся в памятных датах, веках жизни и творчества выдающихся граждан. Празднованием подобных событий укрепляется коллективная память. Нередко на определенном историческом событии спекулируют различные общественно-политические группы (говорят о так называемой политизации истории и исторической памяти). Последний примечательный всплеск активности исторического сознания пришелся на период перестройки, особенно конец 1980-х гг., когда СМИ пестрели разоблачениями о Великой Отечественной войне и советских вождях. Тогдашний интерес объяснялся политической задачей провести явную разграничительную линию между «новым политическим мышлением» и прошлыми «ошибками и заблуждениями».

Та же политика обыгрывания применялась к продолжавшейся войне в Афганистане (1979-1989). Правительство и сам М. С. Горбачев демонстративно отреклись от ошибок прошлой власти и от решения ввести войска в Демократическую Республику Афганистан (ДРА). Информационные ресурсы массировано использовались для закрепления в историческом сознании россиян представления о перестройке как о времени, когда была прекращена война в Афганистане, а решение о ее развязывании осуждалось с позиций морали и политики¹.

Поскольку завершалась война, большая часть которой прошла в неизвестности, именно СМИ предстояло решить задачу актуализации и сохранения исторической памяти о конфликте. В печати публиковались полосы, посвященные не столько войне, сколько ветеранам. Издание «Комсомольская правда» призывало читателей включиться в процесс создания книг памяти по районам, городам или областям². Главной целью подобных мероприятий было сохранение памяти о солдатах, сынах отечества. Однако дальше призыва СМИ не пошли.

Если для массмедиа информационный повод войны был упущен – основные боевые действия завершились, а с 1986 г. начался процесс планомерного вывода войск, и основное внимание было приковано к социальным проблемам ветеранов, то задача осмысления войны с позиций искусства, а значит, культурных символов, становилась весьма актуальной.

О войне в Афганистане снято немало кинолент: «Жаркое лето в Кабуле» (1983), «За все заплачено» (1988), «Сержант» (1988), «Опаленные Кандагаром» (1989), «Груз 300» (1989), «Афганский излом» (1991), «Нога» (1991), «Караван смерти» (1991), «Мусульманин» (1995), «9 рота» (2005). В ряде фильмов война была лишь необходимым сюжетным фоном, но в некоторых действие разворачивается непосредственно в Афганистане.

---

¹ Более подробно см. Глухов Ю. Подводя черту // Правда. 1989. 15 февраля; Горохов А., Окулов В. Домой // Правда. 1988. 16 мая; Снегирев В. Когда Смолкают пушки // Родина. 1989. Март.

² Память // Комсомольская правда. 1989. 15 февраля.

Проследим идеологический и политический конфликт исторической памяти в процессе медиатизации войны в Афганистане. Историческая память есть совокупность осмысленных обществом событий. Особенно глубоко в ней запечатлеваются трагические ситуации – катастрофы, бедствия, войны, революции и пр. Несмотря на то, что историческая память является видом коллективной, социальной, памяти, ее основа сплетена из индивидуального опыта многих граждан. Ветераны боевых действий составляют конкретную социальную группу и обладают своей исторической памятью, не ограничивающейся стандартным перечислением даты начала и завершения конфликта, а также тех боевых операций или особых событий, которые освещались в СМИ. Историческая память каждого ветерана включает в себе пережитый лично боевой опыт, выражающийся в визуальных образах и чувственных переживаниях. Именно эта социальная группа острее всего реагирует на попытки режиссеров отобразить на экране либо правду, либо передать свою интерпретацию событий: «Мужички-киношники! Может, хватит из нас делать пушечное мясо? Поймите, вы, тугодумы, мы пришли назад ЖИТЬ, а не быть пугалом (каким вы нас делаете): «Граждане, живите честно, а то явится взвод головорезов-"афганцев", и всем вам кранты". Это читается в каждом вашем «фильме». Что вы знаете о нас, об этой бойне, именуемой "интернациональным долгом"?»³

Считается, что индивидуальная (личные воспоминания) и коллективная (ассоциирование себя с социальной группой) памяти могут взаимопроникать, но никогда не смешиваются.⁴ Однако на примере военных фильмов и фильмов о войне просматривается иная тенденция. Военные фильмы могут быть как патриотическими, так и антивоенными, основная сюжетная линия завязана на боевых действиях и на иллюстрации поведения человека в экстремальных условиях. В фильмах о войне, по нашему представлению, имеют значение не столько боевые действия, сколько сама война как феномен и человек на войне. Подобные фильмы являются настоящим произведением искусства. В них может не быть крупных батальных сцен, как, например, в «Апокалипсисе сегодня» или «Рожденный 4-го июля», однако в этих кинолентах поднимаются вечные вопросы, конкретная война является не более чем фоном, режиссер концентрируется на противостоянии война – человек. Можно предположить: индивидуальная память военных корреспондентов, непосредственно освещавших войну и нередко участвовавших в боевых операциях, привносится в коллективную память⁵.

Если память в большей степени интуитивна, то историческое сознание апеллирует к конкретным идеям, представлениям, чувствам и настроениям, на которых строится восприятие и оценка прошлого. Действительные участники или очевидцы событий имеют большее преимущество перед теми, кто вынужден узнавать о прошлом из книг, учебников или СМИ. Историческое сознание поколений периода войны в Афганистане формировалось неодинаково. Если для солдат война была «настоящей», то для общества, имевшего единственную возможность узнавать о событиях на южных рубежах Советского Союза из СМИ, конфликт был для ограниченного контингента советских войск (ОКСВ бескровным), а основные боевые действия разворачивались между моджахедами, поддерживаемыми западными странами и народной армией Демократической республики Афганистан.⁶ С течением времени в историческом сознании общества закрепилось понятие «высаживание аллеи дружбы» как символ деятельности ОКСВ в ДРА.

³ После Афганистана // Комсомольская правда. 1989. 21 декабря. С. 2.

⁴ Романовская Е. В. Морис Хальбакс: культурные контексты памяти // Известия Саратовского университета. 2010. Т. 10. Сер. Философия. Психология. Педагогика. Вып. 3.

⁵ Авдонина Н. С. Кинематограф о войне во Вьетнаме как элемент политической коммуникации / Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия Филология. Востоковедение. Журналистика. 2011. Вып. 1. С. 197-206.

⁶ Более подробно см. И пробуждается земля // Комсомольская правда. 1981. 28 июля; О выступлении президента Дж... Указ. соч.; Миронов Л. Удары по бандитам // Правда. 1981. 17 февраля; Юсупов Х. Выбор // Комсомольская правда. 1983. 18 февраля; Байков В. Разгромлены банды // Правда. 1984. 20 мая.

Период с 1986 г., когда началось частичное «открытие» войны для советских граждан, можно обозначить как «когнитивный диссонанс». С одной стороны, войны не было в массмедийном дискурсе. С другой – ветераны являли собой живое опровержение этого тезиса.

Без полноценного освещения боевых действий с участием ограниченного контингента война в Афганистане свелась к двум датам – 25 декабря 1979 и 27 февраля 1989. В школьных учебниках или книгах для учителя трактовка войны в Афганистане дается с позиции «перестроечной» политики: «Вывод советских войск из Афганистана стал важнейшим внешнеполитическим актом СССР. В декабре 1989 г. II Съезд народных депутатов СССР осудил и признал грубой политической ошибкой «необъявленную войну» в Афганистане... Таким образом, была подведена черта под этой затяжной войной».⁷ «Серьезный удар по разрядке был нанесен вводом советских войск в Афганистан в декабре 1979 г. СССР, для которого эта революция [Апрельская – Н. А.] в апреле 1978 г. явилась неожиданностью, тем не менее поддерживал ее, увидев в этом возможность расширения своего влияния в этом регионе. Советские партийные идеологи сразу же стали рассматривать Афганистан как социалистическую в близкой перспективе страну... Участие советских войск в гражданской войне в Афганистане было непродуманным шагом и отрицательно сказалось на престиже СССР... В результате девятилетнего пребывания советских войск в Афганистане усилилась разорительная сверхмилитаризация страны... Решение направить «ограниченный советский контингент» в Афганистан было принято в момент, который представлялся брежневскому руководству звездным часом советского могущества»⁸.

Показательны результаты всероссийского исследования «Историческое сознание: состояние, тенденции развития в условиях перестройки» (руководитель к.и.н. В. И. Меркушин). Его итоги в контексте даты проведения – май-июнь 1990 г. – поразительны. Всего было опрошено 2 196 человек. Наиболее значимыми событиями были названы эпоха Петра I (72 %), Великая Отечественная война (57 %), Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война (50 %), перестройка (38 %), время борьбы с татаро-монгольским игом (29 %), период Киевской Руси (22 %), годы после отмены крепостного права (14 %), период НЭПа, а также индустриализация, коллективизация и культурная революция (по 12 % соответственно), царствование Ивана Грозного, правление Екатерины II и первая русская революция (по 11 % каждый ответ)⁹.

В целом можно заключить – названные респондентами события являются ключевыми пунктами школьной программы по истории.

Спустя десять лет, в 2001 г. исследование провели сотрудники СЦ РАГС. Респондентов просили определить значительные вехи российской истории – поводы для гордости и события прошлого, вызывающие чувства горечи и стыда:

---

⁷ Филиппов А. В. Новейшая история России 1945-2006 гг.: книга для учителя. М., 2007. С. 329

⁸ Шестаков В. А. Новейшая история России. М., С. 375-176.

⁹ Омельченко Е. Л., Сабирова Г. А. Изучение массового исторического сознания в постсоветской России: обзор подходов//Память Образование Политика.[Электронныйресурс]URL: <http://www.politmemo.ru/Filemanager/download/92> (дата обращения: 14.09.2009).

Символы гордости	% опрошенных	Отрицательные события	% опрошенных
Развитие космонавтики	32,6	Война в Чечне	21
Победа над фашизмом	23,2	Сталинские репрессии	13,6
Научные достижения	15,7	Горбачевская перестройка	12,7
Культура и искусство	13,6	Война в Афганистане	9,2
Создание военной техники	7,3	Развал СССР	6,6

В комментарии к исследованию, данном В. Э. Бойковым, говорится о «бесславных войнах, жестоких репрессиях, социальных невзгодах...», которые вызывают «отчужденное отношение к стране и государству»¹⁰. Хотя мы не можем с точностью утверждать, какие именно эмоции и чувства испытывали респонденты, называя в числе отрицательных событий войну в Афганистане, сам факт подобного ответа и трактовки исследователя является своеобразным «маячком» исторической памяти.

По причине диссонанса историческая память о войне в Афганистане не то чтобы начлена мифами, а лишена общей интерпретационной и оценочной основы, которую даже можно пытаться «фальсифицировать» (что происходит ныне с устойчивыми представлениями о Великой Отечественной войне). В то время, как историческая память о Великой победе и войне присутствует в неразрывной связи с настоящим, память о войне в Афганистане, происходившая в недалеком прошлом, ветераны которой по возрастному цензу составляют трудоспособное население, сфокусирована именно в прошлом и имеет в общественно-политическом и массмедийном дискурсах слабую связь с настоящим и тем более будущим. Справедливости ради необходимо отметить, что именно СМИ поднимали вопрос о войне 1979-1989 гг. в связи с вторжением коалиционных войск НАТО в Афганистан в 2001 г. Параллели, исторические и военно-политические проводились не только отечественными СМИ, но также и западными в контексте «извлечения уроков»¹¹.

Искусство восполняет информационный пробел, образующийся после завершения вооруженного конфликта и временного удаления от события. Как литература, так и кинематограф возвращают конкретное событие в сферу общественного сознания и побуждают общество к публичному обсуждению не только художественного произведения, но и собственно исторического события. Наиболее показателен в этом отношении фильм «Афганский излом» (режиссер В. Бортко). Основные события происходят в период вывода советских войск из Афганистана. В киноленте отображено взятое клише из прессы: побывать на безопасном расстоянии от непосредственных боевых действий, чтобы получить награду и купить дефицитный товар западного производства. «Афганский излом» подтверждает идею о том, что содержание исторической памяти может иметь поверхностное сходство с непосредственной действительностью. Мы снова видим, что историческая память общества формируется под влиянием СМИ и искусства, то есть через посредников и поэтому проигрывает перед исторической памятью отдельных солдат.

Историческая память формируется из образов произошедших событий, что может отражаться в наименовании – например, Великая Отечественная война и Великая победа. Слово

¹⁰ Там же.

¹¹ Например, из последних материалов: Fisher M. In arming Libyan rebels, U. S. would follow an old, dark path // The Atlantic. 2011. 25 May; Braithwaite R. Ghosts of Afghanistan: Hard truths and foreign myths of Jonathan Steele // The Observer. 2011. 25 Sep.; Wendle J. Afghanistan: Rising anger over an American's rampage, but also fear of U. S. departure // Time. 2012. 13 Mar.

«великая» ассоциируется с чем-то монументальным, жертвенным и практически священным. Применительно к войне в Афганистане такого закреплённого определения не существует, однако в неофициальном дискурсе чаще употребляются «бесславная» и «забытая». Одновременно эти слова являются и взаимодополняющими как причина и следствие – войну, которой нет повода гордиться, стоит забыть, «стереть из памяти». Определённый образ формируется различными факторами – властью, политическими партиями, СМИ, непосредственно участниками. Когда определённое событие становится достоянием масс-медиа, оно переходит в сферу публичного обсуждения, в котором участвует и аудитория. В процессе осознания события формируется конкретный образ события, который затем закрепляется в историческом сознании и выражается в искусстве. Так складывается синхронный образ события, со временем его реконструкции и критики мы будем иметь ретроспективный образ, преломляющийся в культуре.

Итак, война в Афганистане оформлена в политический миф, создание которого было начато при руководстве Л. И. Брежнева, а завершено (но не развенчано полностью) при правительстве М. С. Горбачева. Политический миф бескровной войны для ОКСВ использовался для реализации такой политической цели, как геополитическая борьба в условиях биполярного мира. С одной стороны, руководство страны сознавало, что прямая военная помощь ДРА будет воспринята мировым общественным мнением как вторжение, экспансия.

С другой – за полгода до принятия окончательного решения на заседании Политбюро ЦК КПСС участники приходили к общему мнению, что официальная власть в Афганистане не пользуется значительной общественной поддержкой, и афганский народ может перейти впоследствии на сторону мятежников. Третий аспект политического решения касался вопроса Иранской революции 1979 г. как возможного катализатора подобных событий в других восточных странах (теория домино в трактовке советской власти), что и послужило основной мотивировкой военной поддержки ДРА.

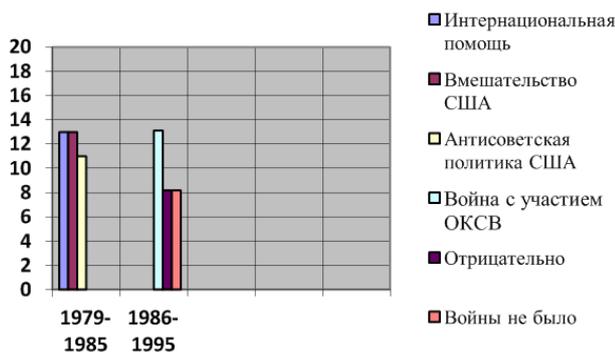
Мы не можем с абсолютной уверенностью утверждать, что события, представленные в СМИ, были вымышленными, и частично с их помощью власти приукрашивали действительность. Например, в материале, где вскользь упоминалось реальное столкновение советских солдат с моджахедами, являлась аналитическая статья корреспондента «Огонька» Бориса Марбанова «Шакалы в волчьем логове»¹². Материал выступал как двойное опровержение гибели советского военнослужащего С. Афиндулиди и реального вооружённого столкновения с повстанцами, о чем было опубликовано в эмигрантском журнале «Посев». Парадокс заключался в том, что в советском издании появилась правдивая информация о выжившем С. Афиндулиди, но была произведена подмена понятий – бой произошёл во время прохода мирной колонны советских солдат. В «Посеве» же была дана достоверная информация о том, что советские солдаты вместе с армией ДРА участвовали в перехвате отрядов лазутчиков из Пакистана и каравана с американским оружием для бандитов, во время которого якобы и погиб Афиндулиди.

В период перестройки политический миф о бескровной войне развенчивался – публиковались письма, дневники и обращения ветеранов,¹³ однако наслаивался дополнительный миф об ошибочной войне.

---

¹² Марбанов Б. Шакалы в волчьем логове // Огонек. 1983. 25 июня.

¹³ Алимов М., Овчинникова Л. Дневник одной роты // Комсомольская правда. 1989. 15 апреля; Овчинникова Л., Ткаченко П. Хочу рассказать правду об Афганистане // Комсомольская правда. 1989. 15 декабря; Яковлева Е. Память // Комсомольская правда. 1989. 15 февраля.

Чтобы разъяснить данные диаграммы, опишем проведенный контент-анализе. Всего автором было просмотрено 245 статей из центральных газет «Правда» и «Комсомольская правда», а также журналов «Огонек» и «Новое время». Медиатизация¹⁴ войны в Афганистане была нами разделена на два этапа. Медиатизация первого периода (1979-1985) проходила в идеологическом контексте Холодной войны (другими словами – подчинялась политической логике); в немногих статьях, где упоминалось об ограниченном контингенте, журналисты акцентировали внимание на миролюбивой политике СССР, что выражалось в понятии «интернациональная помощь».

Второй период медиатизации характеризовался тенденцией «открытия войны» для общественности, что обуславливает высокий процент материалов об участии ОКСВ в боевых действиях (13,1), а это, в свою очередь, связано с тенденцией героизировать интернациональный долг как таковой. Мы выявили также тенденцию – одинаковое процентное соотношение резко отрицательных оценок решения ввести войска и самой войны в целом (ошибка, заблуждение Брежнева, позор, бремя, афганский тупик, бесславная война, авантюра) и оценок войны как несуществующего события. Это было связано с развернувшейся в общественно-политическом дискурсе кампанией по политическому и моральному осуждению решения о военной помощи афганским властям. Таким образом, и во второй период (1986-1995) медиатизация военно-политического курса развивалась в фарватере политической логики – политический миф об ошибочной войне использовался руководством страны в целях легитимизации власти и реализации нового внешнеполитического курса.

Тем самым мифы о бескровной и ошибочной войне преобразовались в форму сказки о несуществующем конфликте, который происходил в условиях информационной блокады. Оба мифа выполняли функцию объяснения происходивших событий. С одной стороны, «вмешательство извне [в ДРА – Н. А.] со стороны империалистических стран» и «оказание срочной политической, материальной, экономической помощи, включая военную», с другой – «это не наша война». Плоские интерпретационные схемы, имевшие разные основания, оставили глубокий пробел в истории и, следовательно, социальной памяти о войне и целом поколении. Остается одна возможность восполнить эту лауну – обратиться к очевидцам, участникам событий, которые, действительно, могут рассказать правду. Возникает параллельно другой вопрос – захотят ли они вспоминать о прошлом и беречь свою память?

¹⁴ В данном исследовании под термином «медиатизация» понимается двусторонний исторический процесс, в котором задействованы средства массовой информации, общество и политические лидеры, однако значительная роль принадлежит СМИ в создании и формировании дискурса политической коммуникации и того общества, в котором эта коммуникация осуществляется.

М.А. Адамов

ПРОТЕСТНОЕ ДВИЖЕНИЕ УЧАЩИХСЯ ДУХОВНЫХ СЕМИНАРИЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ПОЛОЖЕНИЙ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Сложность и неоднозначность процессов происходивших в дореволюционных духовных семинариях, делает изучение вопроса о протестном движении их учащихся особенно актуальным. В этом вопросе в советский период сложилось несколько положений, которые требуют в данный момент переосмысления и переоценки на основе обращения к материалам федеральных и региональных архивов.

Духовные семинарии (от лат. *seminarium* – рассадник, в данном случае рассадник благочестия) открывались, согласно Духовному регламенту (1721 г.)¹⁵ и уставу 1814 г.¹⁶ как учебные заведения для подготовки будущего духовенства, что подтверждено уставами 1867 г.¹⁷ и 1884 г.¹⁸. Тем не менее, со второй половины XIX века духовные семинарии (далее – ДС) начали активно включаться в революционную деятельность и, соответственно, нередко становились рассадником неблагонадежных для государства элементов. Примерами служат достаточно известные личности. Так, первоначальное образование в ДС получили ведущие деятели революционно-демократического движения Н.Г. Чернышевский (Саратовская)¹⁹ и Н.А. Добролюбов (Нижегородская)²⁰. В ДС начинал свое образование участник покушения на Александра II Н.И. Кибальчич (Черниговская)²¹.

Также можно упомянуть и некоторых непосредственных участников революционных событий 1917 г. и последующей Гражданской войны. Например, Н.И. Подвойский, руководитель захвата Зимнего дворца, был в свое время исключен из Черниговской ДС²². Из Полтавской ДС за украинофильскую пропаганду был уволен С.В. Петлюра²³. Из Тверской ДС был исключен будущий лидер энесов А.В. Пешехонов²⁴. Из Тифлисской ДС был исключён Иосиф Джугашвили (И.В. Сталин)²⁵, в Полтавской ДС обучался Н.А. Щорс²⁶.

Со второй половины XIX в. ДС возникали и революционные организации. Так первый революционный кружок был раскрыт в Пермской ДС в начале 1860-х гг.²⁷. При этом была обнаружена тайная типография. В отчете обер-прокурора за 1861 г. отмечались «важные бес-

¹⁵ Духовный регламент. М., 1897. С. 29.

¹⁶ Высочайше утвержденный проект устава духовных семинарий // Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собр. первое. Т. XXXII. – 25674. СПб., 1830. – С. 955.

¹⁷ Высочайше утвержденный устав православных духовных семинарий // ПСЗРИ. – Собр. Второе. – Т. XLII. – Отд. первое. – 44571. – СПб., 1871. – С. 498.

¹⁸ Уставы православных духовных семинарий и училищ, Высочайше утверждённые 22 августа 1884 г., с относящимися к ним постановлениями Св. Синода. – СПб., 1908. – С. 1.

¹⁹ Ланщиков А. Н.Г. Чернышевский. – М., 1987. – С. 21.

²⁰ Советская историческая энциклопедия. Т. V. М., 1964. С. 257-260; Русский биографический словарь. Т. VI. – СПб., 1905. С. 471-477.

²¹ Степанов Н.Т. Подвойский. Жизнь замечательных людей. Вып. 6. (696). М., 1989. С. 32.

²² Там же. С. 5– 32; 378–380.

²³ Евлогий (Георгиевский) Путь моей жизни. М., 1994. С. 321.

²⁴ Политические деятели России 1917. Биографический словарь. М., 1993. С. 104.

²⁵ Советская историческая энциклопедия. Т. XIII. М., 1971. С. 780-785.

²⁶ Фесенко А.П. Письма читателей. «Щорса вы знаете?». // Вопросы истории. 1989. № 12. С. 170.

²⁷ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 802 (Учебный комитет при Святейшем Синоде). Оп. 8. Д. 25057. Л. 1-126.

порядки», произошедшие в Пермской ДС, которая до этого считалась одной из лучших²⁸. Волнений в ДС продолжались на протяжении всей второй половины XIX в²⁹. Но пиком волнений в ДС стали революционные события 1905-07 гг. В это время в той или иной мере они имели место практически во всех ДС РПЦ (в числе прочих, например, в Ярославской³⁰, Минской ДС³¹ и др³²).

В некоторых случаях они приобретали очень острый характер. Так, 2 мая 1906 г. в Тамбовской ДС в ректора архимандрита Феодора (Поздеевского) стрелял семинарист Владимир Грибоедов. Он промахнулся, лишь прострелив ректору клобук³³. 7 апреля 1907 г. воспитанник первого класса той же Тамбовской ДС Н. Архангельский произвёл выстрел в спину нового ректора архимандрита Симеона (Холмогорова). Затем стрелявший сделал ещё два выстрела в уже лежавшего ректора. В итоге ректор, хотя и выжил, но из-за парализации нижней части тела был до конца своей жизни прикован к инвалидной коляске³⁴ (расстрелян в 1937 г.).

Волнения в ДС, хотя уже и в меньшей степени, продолжались и после 1905-07 гг³⁵. Интерпретация подобных фактов в советской историографии породила целый ряд неверных представлений, требующих серьезного пересмотра. В советской историографии было широко распространено мнение, что данные волнения были связаны с революционными настроениями и проходили под лозунгом политических требований³⁶. Так, П.Н. Зырянов выступления семинаристов в 1905 г. характеризует как «тяготение к демократическому лагерю»³⁷. Разумеется, революционный характер некоторых выступлений семинаристов нельзя отрицать (характерный пример, 8 марта 1906 г. воспитанники Владимирской семинарии требовали разрешения отслужить панихиду по капитану П. Шмидту, после полученного отказа они вышли на демонстрацию³⁸). Но, учитывая все это, следует сделать определенные уточнения в терминологии, поскольку, с нашей точки зрения, подобные выступления семинаристов более корректно рассматривать не как сугубо революционное, а как протестное движение. В этом случае революционная деятельность семинаристов становится частью их протестного движения.

Прежде всего, такое уточнение связано с тем, что некоторые акции были связаны с желанием смягчить учебно-воспитательные требования. Так, воспитанники Кишиневской ДС в ноябре 1912 г. выступили против того, что новое расписание ужина мешало им ходить в театр³⁹. В их требованиях не было никакого революционно-политического характера. Некоторые семинаристы, участвуя в протестных акциях в ДС, прямо уклонялись от политической деятельности. Так митрополит Вениамин (Федченков) в своих воспоминаниях отмечает, что, обучаясь в Тамбовской ДС, вместе с другими учащимися выступал за улучшение питания в семинарской столовой. Кроме того, он посещал революционный кружок, действовавший в этой ДС, но пре-

²⁸ Извлечение из отчета по ведомству православного исповедания за 1861 г. СПб., 1864. С. 89.

²⁹ См. в частности: РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1897 г. Д. 45. Л. 1-8.

³⁰ См. в частности: РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1905 г. Д. 21. Л. 2.

³¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1905 г. Д. 27. Л. 1-5.

³² См. данные по этому вопросу: РГИА. Ф. 802. Оп. 10. 1907 г. Д. 109. Л.

³³ Государственный архив Тамбовской области (далее – ГАТО). Ф. 186 (Тамбовская духовная семинария). Оп. 114. Д. 1. Л. 276.

³⁴ ГАТО Ф. 186. Оп. 113. Д. 1. Лл. 5-6; ГАТО Ф. 186. Оп. 113. Д. 19. Л. 4; ГАТО Ф. 186. Оп. 114. Д. 1. Л. 274 – 275.

³⁵ В частности в 1912 г. в Нижегородской ДС: РГИА. Ф. 802. Оп. 11. 1912 г. Д. 430. Л. 1-12.

³⁶ Титлинов Б.В. Церковь во время революции. Петроград, 1924. С. 26; Ватник Н.С. Движение учащихся средних учебных заведений во время первой русской революции (по материалам Московского учебного округа): дис. ... канд. ист. наук. М., 1985. С. 139.

³⁷ Зырянов П.Н. Церковь в период трех российских революций // Русское православие: вехи истории / науч. ред. А.И. Клибанов. М., 1989. С. 416.

³⁸ РГИА. Ф. 797 (Канцелярия обер-прокурора Святейшего Синода). Оп. 76. Отд. I. Ст. 2. Д. 27. Л. 11.

³⁹ РГИА. Ф. 802. Оп. 11. 1912 г. Д. 438. Л. 3 Об.

кратил это делать после того, как на одном из заседаний услышал призыв к террористическим актам и царубийству⁴⁰.

Основным требованием протестующих семинаристов было не выступление против существующего строя, а разрешение свободно поступать в светские учебные заведения и на светскую службу. Так воспитанники Черниговской ДС, например, 7 октября 1905 г. подали петицию и заявили, что они прекращают занятия впредь до удовлетворения высшей властью их требований. При этом они согласились приступить к учебе, если будет исполнено главное их требование о допущении воспитанников четвертого-шестого классов во все университеты⁴¹. В 1912 г. в Киевской ДС выяснилось, что целый класс желает поступить в университет⁴².

Данная проблема имела долгую историю. Первоначально, почти до середины XIX в., государство, учитывая свои интересы, в виду нехватки достаточного количества выпускников светских учебных заведений, довольно часто привлекало на светскую службу воспитанников ДС. И устав ДС 1814 г. предусматривал, что воспитанники этих учебных заведений будут не только становиться служителями Церкви, но и поступать в Медико-хирургическую академию⁴³.

Последняя масштабная попытка массового привлечения семинаристов на светскую службу была предпринята в правление Александра II (в 1875 г. 53 % всех поступивших в университеты составили гимназисты и 46 % семинаристы⁴⁴), что привело к нехватке кадров для пополнения рядов православного духовенства. В результате, в 1879 г. был ограничен допуск семинаристов к вступительным испытаниям в университеты, и в них стали допускать только закончивших полный курс ДС по первому разряду⁴⁵. То есть, семинаристы могли попасть на выделенную для них светскую службу, но это было связано с преодолением целого ряда препятствий и ограничений. Настроение в среде семинаристов конца XIX – начала XX веков достаточно точно характеризует митрополит Вениамин (Федченков): «В семинарию шли совсем не для того, чтобы потом служить в Церкви, а потому, что это был более дешевый способ обучения детей духовенства. Школы стали сословными. Но ученики их по окончании семинарии в огромном большинстве уходили по разным мирским дорогам: в университеты, в разные институты, в учителя, в чиновники»⁴⁶. Определенная часть учащихся поступала непосредственно на гражданскую службу без обучения в светских учебных заведениях: в казенные палаты⁴⁷, управления акцизными сборами⁴⁸, уездные земские управы⁴⁹, отделения Государственного банка⁵⁰.

Но те, кто не попал на светскую службу, были вынуждены становиться священниками не по призванию, а по жизненной необходимости. Согласно же церковному вероучению священнослужитель это не профессия, а служение. Священник – это прежде всего образ жизни. Всё это требует особых качеств от кандидата в священнослужители, а главное, – добровольного желания. В дореволюционной России сложилась ситуация, когда молодого человека только в силу его социального происхождения, насильно заставляли принимать священный сан. И

⁴⁰ Вениамин (Федченков) На рубеже двух эпох. М., 1994. С. 118.

⁴¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 75. Отд. I. Ст. 2. Д. 23. Л. 27.

⁴² РГИА. Ф. 802. Оп. 11. 1912 г. Д. 218. Л. 1-9.

⁴³ Высочайше утвержденный проект устава духовных семинарий // Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собр. первое. Т. XXXII. 25674. СПб., 1830. С. 955.

⁴⁴ Щетинина Г.И. Студенчество и революционное движение в России: Последняя четверть XIX в. / отв. ред. И.Д. Ковальченко. М., 1987. С. 34.

⁴⁵ Официальные известия и заметки: 2.Новый закон о порядке допущения воспитанников семинарий в университеты // Курские епархиальные ведомости. 1879. № 7. официальная часть. С. 303–304.

⁴⁶ Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох. М., 1994. С. 94.

⁴⁷ Государственный архив Орловской области. Ф. 988 (Орловская духовная семинария). Оп. 1. Д. 2. Л. 2 Об.

⁴⁸ ГАТО. Ф. 186. Оп. 102. Д. 2. Л. 11.

⁴⁹ ГАТО. Ф. 186. Оп. 113. Д. 12. Л. 5.

⁵⁰ Там же. Л. 18.

выход здесь был один, о нём говорили многие церковные и государственные деятели – свободный допуск в ДС представителей любых сословий и неограниченный доступ для детей духовенства в светские учебные заведения и на светскую службу⁵¹.

Отметим, что ДС изначально формировались как сословные (для детей духовенства) учебные заведения. Это было обозначено и в упоминавшемся выше Духовном регламенте⁵². Впоследствии это подкреплено и законодательными ограничениями (не более 10 % от общего числа учащихся) на поступление иносословных лиц (не детей духовенства), в ДС. На практике в некоторых ДС в отдельные периоды обучались исключительно дети духовенства. Так в Воронежской ДС в 1871/72 уч. г., судя по экзаменационным ведомостям, учились исключительно дети духовенства⁵³. В Тамбовской ДС из 82 выпускников 1896 г. было только 6 иносословных, то есть 7,3 %⁵⁴. Все ограничения на поступление иносословных в ДС были отменены только 12 июля 1913 г.⁵⁵, но эта мера не успела оказать существенного влияния на систему комплектования кадров духовенства в дореволюционный период.

Характерно, что ситуация в РПЦ начала XX в. характеризовалась в советской историографии как «кризис Церкви»⁵⁶, но, точнее, это был не кризис Церкви, а кризис системы комплектования кадров духовенства. Проблемную ситуацию создавал именно сословный характер подбора кадров служителей РПЦ. Если бы принятие священного сана становилось добровольным, это, возможно, могло повысить нравственный уровень духовенства, а дети духовенства, уходя при желании на светскую службу, могли бы принести там больше пользы, как, например, обучавшиеся в своё время в ДС, но не принявшие священный сан художник В.М. Васнецов, изобретатель радио А. С. Попов, писатель Мамин-Сибиряк Д.Н., а также сподвижник Александра I М.М. Сперанский. Отметим, что после отмены в 1917 г. ограничения для поступающих в светские учебные заведения число поступающих в них семинаристов увеличилось.⁵⁷

Следующим моментом в вопросе о протестном движении семинаристов, является представление советской историографии о том, что революционная деятельность семинаристов концентрировалась в основном вокруг социал-демократического движения⁵⁸. Анализ архивных документов приводит к заключению, что политические симпатии семинаристов были в большей степени на стороне партии социалистов-революционеров, о чем свидетельствует изъятая у семинаристов литература и дела учащихся ДС привлеченных к следствию по политическим мотивам⁵⁹. Это во многом было обусловлено тем, что абсолютное большинство духовенства было сельским и, соответственно, большинство семинаристов были уроженцами села, что и определяло их политические симпатии. Митр. Евлогий (Георгиевский) писал: «Общение с народом привело меня с детских лет к сознанию, что интересы его и наши связаны»⁶⁰.

В завершение следует сказать о том, что в советской историографии имеются значительные достижения в исследовании как жизнедеятельности РПЦ в целом, так и ДС семинарий

⁵¹ РГИА. Ф. 804 (Присутствие по делам православного духовенства при Св. Синоде). Оп. 1. Разд. I. Д. 104. Л. 3-421.

⁵² Духовный регламент. М., 1897. С. 29.

⁵³ Государственный архив Воронежской области. Ф. И-15 (Воронежская духовная семинария). Оп. 1. Д. 1. Л. 61, 65, 62, 70, 77, 79.

⁵⁴ ГАТО. Ф. 186. Оп. 123. Д. 5. Л. 26 Об.

⁵⁵ Высочайше утвержденный одобренный Государственным Советом и Государственную Думою закон. О некоторых изменениях в отношении православных духовных семинарий и училищ // ПСЗРИ. Собр. Третье. Т. XXXIII. Отд. первое. 39869. Пг., 1916. С. 796.

⁵⁶ Зырянов П.Н. Церковь в период трех российских революций // Русское православие: веки истории / науч. Ред. А.И. Клибанов. М., 1989. С. 381; См. также: Никольский Н.М. История Русской церкви. М., 1985. С. 426.

⁵⁷ ГАТО Ф. 186. Оп. 116. Д. 1. Л. 10; ГАТО. Ф. 186. Оп. 123. Д. 5. Л. 1 Об. – 2.

⁵⁸ Ватник Н.С. Движение учащихся средних учебных заведений во время первой русской революции (по материалам Московского учебного округа): дис. ... канд. ист. наук. М., 1985. С. 138.

⁵⁹ РГИА. Ф. 802. Оп. 11. 1912 г. Д. 222. Л. 4; Государственный архив Курской области. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 286. Л. 6-7 Об.

⁶⁰ Евлогий (Георгиевский). Путь моей жизни. М., 1994. С. 19.

в частности. Но некоторые её выводы требуют переосмысления и дальнейшего исследования. Это вопрос о революционном характере волнений в ДС, о причинах самих выступлений и о политических симпатиях семинаристов.

Итак, революционная деятельность семинаристов далеко не всегда носила политический характер и поэтому являлась лишь частью их протестного движения. Основным требованием учащихся ДС было снятие для них существующих ограничений на поступление в светские учебные заведения. Что касается политических предпочтений семинаристов, то они были в большей степени на стороне партии социалистов-революционеров.

Р.В. Болдырев

ЖИЗНЬ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА ЭПОХИ СМУТЫ СКВОЗЬ ПРИЗМУ НОВГОРОДСКОГО ОККУПАЦИОННОГО АРХИВА

В российской историографии присутствие в Великом Новгороде шведского экспедиционного корпуса под командованием Я. Делагарди, которое продолжалось с 1611 по 1617 г. долгое время рассматривалось как оккупация и подавалось обычно в контексте национально-освободительной борьбы русского народа за освобождение от иноземных захватчиков⁶¹. Однако у исследователей есть возможность расширить свои представления об этом моменте русской истории, обратившись к так называемому Новгородскому Оккупационному архиву (далее – НОА).

По условиям Столбовского мира 1617 г., положившего конец русско-шведской войне, Новгород был возвращен в состав России. Шведы покинули город, а среди трофеев, вывезенных Делагарди, оказались административные документы Новгородской Приказной избы за все время пребывания шведов в Новгороде. Возможно, шведы намеревались использовать их при определении линии русско-шведской границы и уточнении условий мирных соглашений, а, кроме того, у Делагарди могли быть соображения личного характера⁶². В любом случае архив, отправленный в Швецию, сохранился и не разделил печальной участи документов, доставленных в Москву и погибших при пожаре 1618 г. НОА долгое время находился в Прибалтике, а позже был доставлен в Швецию, где хранился в семье Делагарди, а потом был передан в Государственный архив в Стокгольме (Riksarkivet, далее – RA)⁶³. Там он находится и в настоящее время⁶⁴.

Долгое время он пребывал в неизвестности, пока не был обнаружен профессором русского языка и литературы Гельсингфорского университета С.В. Соловьевым, работавшим в RA 1837-1841 гг. и даже вывезший часть документов НОА в Санкт-Петербург⁶⁵. В 1880-х гг. К.И. Якубов составил первый каталог НОА⁶⁶, работа над которым была продолжена в 1900 г. М.А. Полиевктовым и шведским историком С. Классоном. С 1951 по 1964 г. составлением каталога НОА занимался советский дипломат С.В. Дмитриевский, благодаря которому появился трехтомный каталог на шведском языке, пробудивший интерес историков к данному документальному собранию. Во второй половине XX – начале XXI в. материалы архива уже использовали многие ученые Швеции и России⁶⁷. Недавно группа шведских славистов, возглавляемых Э.

---

⁶¹ Берх В. История Михаила Федоровича. Ч. 2. СПб., 1832; Лыжин Н. П. Столбовский мир и переговоры, ему предшествовавшие. СПб., 1857; Лихачев Д.С. Новгород Великий. М., 1959.

⁶² Нордландер И. Оккупационный архив Новгорода 1611 – 1617 гг. // Новгородский исторический сборник (далее – НИС). 6(16), СПб., 1997. С.285

⁶³ Turilov A. Introduction // Accounts of an Occupied City. Catalogue of the Novgorod Occupation Archives 1611–1617. Stockholm, 2005. С. 13-26.

⁶⁴ Ockupationsarkivet från Novgorod. SE/RA/2403

⁶⁵ Подробнее см.: Коваленко Г. М. Архивные изыскания С. В. Соловьева в Швеции // Скандинавский сборник. Т. 32. 1988. С. 179-183.

⁶⁶ Якубов К.И. Русские рукописи Стокгольмского государственного архива, COIDR, 1890. Кн. I отд, 2, С. 1-38; кн. IV отд. 3. С. 39-78; Якубов К.И. Россия и Швеция в первой половине XVII в. М., 1897.

⁶⁷ См. например: Sjöberg A. Three judgment books in the Novgorod occupation archives 1611 – 1617 // IJSLP. Vol. XXXI – XXXII. Stockholm, 1985. P. 399 – 404; Черепнин Л.В. Обзор фонда новгородских документов, хранящихся в Государственном архиве Швеции в Стокгольме. Вспомогательные исторические дисциплины. М., 1961, Т. IX. С. 220-257; Кобзарева Е.И. Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII века. М., 2005; Селин А.А. Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008; Коваленко Г.М. Таможенная запись 1615 г. о взимании пошлин в Невском устье. Новгород, 1998; Sundberg H. The Novgorod Kabala Books of 1614-1616. Text and commentary. Stockholm, 1982.

Лёфstrand, при содействии российских ученых из Москвы, Санкт-Петербурга и Великого Новгорода, подготовили и опубликовали полную опись сохранившихся документов НОА в двух томах⁶⁸, что сделало его более доступным и удобным в научной работе.

Большинство документов НОА, как уже было сказано, относится к 1611-1617 гг. и связано с пребыванием в Новгороде шведской администрации во главе с Якобом Делагарди. Они образуют два комплекса, отличающихся по происхождению и характеру. Первый комплекс включает в себя книги и отдельные печатные листы общим числом около 28945 страниц, которые составляют 141 «пункт» (единицу хранения), представляющих собой несколько приказных тетрадей в кожаных переплетах объемом от 50 до 600 листов. Они содержат материалы повседневного новгородского делопроизводства и хранят свидетельства о разных сторонах жизни города, в том числе и таких, которые не отражены в других документах того времени. Хочется остановиться подробнее на содержании именно этой серии, т.к. составляющие ее документы в наибольшей мере позволяют воссоздать картину жизни новгородцев в период шведского владычества.

Особое место среди материалов первой серии занимают Таможенные книги Великого Новгорода⁶⁹, которые являются незаменимым источником для изучения русской торговли. В них содержится наиболее полная информация о количестве и ассортименте товаров, продававшихся тогда в Новгороде, ценах, видах и размерах пошлин, метрологии, географии торговых связей новгородцев. В них также содержится богатый материал и о структуре новгородской торговли. Прежде всего, они фиксируют значительную группу сельскохозяйственных товаров, основу которой составляют продукты питания и сельских промыслов. По ним можно восстановить хозяйственный быт новгородцев, что, безусловно, поможет более конкретно представить жизнь русского человека XVII в. При сопоставлении Таможенных книг с другими источниками в определенных случаях позволяют дополнить или уточнить картину политических событий. И, конечно, нельзя обойти стороной богатый лексический материал, содержащийся в книгах, который может быть использован для работы над словарем русского языка XI-XVII вв.⁷⁰ Состояние книг хорошее за исключением записей за 1613/14 и 1615/16 (в первом случае книга пострадала в результате воздействия влаги, во втором большинство страниц пусты). Написаны они красивым скорописным текстом, а значит, легко читаемы.

Не менее важная информация содержится в кабацких книгах⁷¹. Известно, что питейные заведения существовали в Новгороде еще до взятия его шведами в июле 1611 г. – одно на Софийской стороне, другое на Торговой. Позже был открыт еще один кабак, просуществовавший до 1617 г. По материалам НОА известно, что кабаки находились в ведении оккупационных властей, и все с ними связанное тщательно документировалось. Кабацкие книги имеют порядковую нумерацию и содержат сметные записи новгородских питейных заведений, учитывающие количество поставленного в них и выпитого вина, а также описание приготовления пива и сколько ведер затем было реализовано. Доходы и расходы учитывались ежемесячно, а полученная прибыль поступала шведским властям. Важным представляется и то, что по данным материалам можно получить информацию о мерах счета и веса, принятых в Новгороде начала XVII в. Сведения кабацких книг расширяют познания о строениях на кабацком дворе, назва-

⁶⁸ Account of an Occupied City: Catalogue of the Novgorod Occupation Archives 1611–1617/ Elisabeth Löfstrand and Laila Nordquist. Series I. Stockholm, 2005; Series II. Stockholm, 2009.

⁶⁹ Riksarchivet, Ockupationsarkivet fran Novgorod (далее RA, NOA). Series I: 47, 114, 121, 137.

⁷⁰ К настоящему времени опубликованы: Коваленко Г.М., Варенцов В.А. Таможенные книги Великого Новгорода 1610/11 и 1613/14. СПб., 1996; Коваленко Г.М. Новгородская таможенная книга 1614/15 г. // НИС. 10(20). СПб., 2005; Варенцов В.А. Торговля и купечество Новгорода по данным таможенных книг 1610/11 и 1613/14 гг. // Торговля и предпринимательство в феодальной России. М., 1994. С. 100, 108-111; Селин А.А. Таможенная книга Невского устья 1616-1618 гг. // НИС. 10(20). СПб., 2005; Чернякова И.А. Повенечкая таможенная книга 1612 г. Петрозаводск, 2006.

⁷¹ RA, NOA. Series I:3, 19, 43, 61, 96, 103, 105, 112.

ниях питейными заведениями и их местоположении⁷². Изучение этих материалов способствует более полному воссозданию картины жизни в занятом шведами городе. Сведения о местоположении кабаков – ценное дополнение к тому, что уже известно о Новгородском городском плане из письменных источников, старейших карт и археологических находок⁷³. Значительное место в первой серии архива занимают Дозорные книги (3327 листов)⁷⁴ 1610-1615 гг., содержащие подробную информацию о положении дел в новгородских землях периода оккупации – о количестве жителей в том или ином уезде, их земельных владениях, крестьянской зависимости, болезнях, смертности и пр. Так, «по дозору в Кречневском погосте софийские вотчины сел и деревень в жиле и в пустее и крестьянам николского вежитского монастыря вотчины сел и деревень со крестьяны жиле и что в пустее дворов и деревень и скольке пашни распашные и на чем хто живет и переложные земли и сенных покосов и всяких угодиев рыбных ловель и тому книги»⁷⁵. Таким образом, Дозорные книги дают богатейший материал о жизни тысяч неизвестных людей, оставляя в памяти их имена и прозвища. Большая часть книг в прекрасном состоянии, без потертостей и повреждений, что делает сведения, хранившиеся в них, более доступными.

Документы этой серии НОА содержат информацию о том, какими налогами было обложено население Новгорода в течение шести лет оккупации. Проследить эту информацию позволяют книги Сбора солдатских денег⁷⁶, Кормовые примочные книги⁷⁷, книги хлебной отдачи⁷⁸, писцовые книги⁷⁹, сбора денег⁸⁰, оброчные⁸¹, побережных пошлин⁸², книги сбора немецких кормов и немецких денег⁸³. Известно, что, как и прежде налог взимался в размере трех рублей за обжу (основная единица налогообложения). Кроме того, взимались «ямские деньги» на содержание и ремонт дорог и на обеспечение почтовой службы. Взимался и специальный налог для поддержки почтовых курьеров. Упоминаются деньги, собиравшиеся на выкуп русских. Наряду с этими сборами появился и новый, более обременительный вид налога – содержание шведского войска. Он собирался, как правило, в виде денег, зерна, мясных продуктов. В числе повинностей было поддержание оборонительных сооружений в городах и сельской местности⁸⁴. Население часто протестовало против такого большого количества налогов и сборов, а также против наказаний за их неуплату, о чем свидетельствуют многочисленные жалобы, хранящиеся во второй серии архива.

Особое внимание также следует уделить книгам Судного двора, которых в первой серии насчитывается четыре⁸⁵. В них говорится о новгородской судной избе, о судьях, занимаемых

⁷² Нордландер И. Местоположение новгородских кабаков во время шведской оккупации 1611-1617 гг. // НИС. Вып. 6(16). СПб., 1997. С. 182-188.

⁷³ Кроме кабаков – по сути коммерческих учреждений в Новгороде н. XVII столетия существовал еще и государственный винный погреб – хранилище казенного алкоголя, распределявшегося по кабакам, а также выдававшегося служилым людям (Селин А. А. Политическая жизнь и государев винный погреб в Великом Новгороде в 7119 г. // *Palaeoslavica*. Vol. 13. 2005. № 1. P. 149-157).

⁷⁴ RA, NOA. Series I: 1, 6, 7, 8, 16, 17, 29, 39, 40, 63, 66, 67, 68, 70, 95, 106, 113, 131.

⁷⁵ Account of an Occupied City: Catalogue of the Novgorod Occupation Archives 1611–1617/ Elisabeth Löfstrand and Laila Nordquist. Series I. Stockholm, 2005. С.183.

⁷⁶ RA, NOA. Series I: 2.

⁷⁷ RA, NOA. Series I: 9, 23.

⁷⁸ RA, NOA. Series I: 11.

⁷⁹ RA, NOA. Series I: 30.

⁸⁰ RA, NOA. Series I: 35, 42.

⁸¹ RA, NOA. Series I: 39.

⁸² RA, NOA. Series I: 84.

⁸³ RA, NOA. Series I: 48, 82, 87, 89, 125, 128, 132, 133, 134.

⁸⁴ Account of an Occupied City: Catalogue of the Novgorod Occupation Archives 1611–1617/ Elisabeth Löfstrand and Laila Nordquist. Series I. Stockholm, 2005. С.63-64.

⁸⁵ RA, NOA. Series I: 4, 5, 64, 122.

должностях и о порядке судопроизводства. В целом состояние рукописей хорошее, но некоторые страницы в книгах полностью выцвели, вследствие чего информация была утеряна.

Особую сторону жизни Новгорода показывают приходно-расходные книги общественных бань, которые велись на протяжении четырех лет⁸⁶. Бани были открыты четыре дня в неделю и управлялись четырьмя ежегодно назначаемыми целовальниками, которые собирали деньги за посещение бань, обеспечивали им все необходимое – в частности дрова и березовые веники, – и отвечали за их работу. В бане работали один дьяк, водолей и два сторожа, которые отвечали за сохранность одежды посетителей⁸⁷. Продавец кваса снимал помещение для торговли этим напитком, и был наготове для тех, кто хотел использовать возможность проверить свою силу, и некий рудомет. Число посетителей бань было довольно высоко, особенно если учесть, что во многих домах имелись собственные бани. За один июньский день 1612 г. отмечено 550 посетителей. Однако по окончании оккупации число посетителей упало, цены поднялись, и становилось все труднее и труднее добывать дрова и веники⁸⁸.

В первом комплексе документов также встречаются дворовые и лавочные книги⁸⁹, которые содержат купчие записи и пошлины, взимаемые при продаже дворов и магазинов. Имеются две кабальные книги⁹⁰, в которых содержится 178 договоров за время с 1 сентября 1614 г. до 1 сентября 1616 г. Книги были опубликованы в 1982 г. исследовательницей Х.Сюндберг⁹¹. В мельничных⁹², ужинных⁹³ и умолотных⁹⁴ книгах содержатся отчеты о количестве полученного хлеба, хлеба, а в дачных⁹⁵ – пожалования тем или иным лицам. Приходно-расходные книги⁹⁶ содержат подробные сведения о доходах от налогов; книги конфискации, где перечисляются земли, которые были конфискованы в пользу формального правителя принца Карла Филиппа. В книгах денежного двора⁹⁷ содержится информация о поступлении серебра и монет, а книги торговли лошадьми⁹⁸ – о хозяйственной жизни новгородцев, о приемах и местах торговли, о количестве выращиваемого скота и пр.

Если же коснуться вопроса об организации управления городом при шведах, то документы первого комплекса НОА помогают установить, что исполнительная власть тогда находилась в руках не только Я. Делгарди, но и русского воеводы князя Ивана Никитича Одоевского – Большого. Гражданско-административные дела города были поручены шведской инстанции, которая именуется по-русски приказом, во главе с секретарем – дьяком, однако вплоть до 1617 г. в городе продолжают нормально функционировать русские органы управления, которые были переподчинены шведским властям. Шведы сохранили практически неизменной русскую административную систему, которая заметно отличалась от шведской. Сделки и купчие в Новгороде 1611-1617 гг., как и прежде, оформлялись подьячими, а в приказах работали дьяки.

⁸⁶ RA, NOA. Series I: 64, 130.

⁸⁷ Sjoberg A. The Public Sauna in Novgorod 1611–1615 // Scando-Slavica. Vol. 22. 1976. P. 125–138.

⁸⁸ Сюндберг Х. Жизнь в Новгороде во время шведской оккупации 1611-1617 гг. // НИС. 6(16), СПб., 1997. С. 275.

⁸⁹ RA, NOA. Series I: 34, 93, 136.

⁹⁰ RA, NOA. Series I: 65, 107.

⁹¹ Sundberg H. The Novgorod Kabala Books of 1614-1616. Text and commentary. Stockholm., 1982.

⁹² RA, NOA. Series I: 22, 26, 91.

⁹³ RA, NOA. Series I: 10, 13, 52, 55, 57, 88, 99, 109, 129.

⁹⁴ RA, NOA. Series I: 13, 52, 109.

⁹⁵ RA, NOA. Series I: 20, 21, 86.

⁹⁶ RA, NOA. Series I: 27, 31, 32, 34, 36, 44, 60, 71, 72, 73, 76, 77, 78, 90, 92, 98, 100, 102, 104, 108, 115, 116, 117, 123, 124, 136, 140.

⁹⁷ RA, NOA. Series I: 14, 15, 33, 111.

⁹⁸ RA, NOA. Series I: 137, 141.

Сохранился – и это хорошо прослеживается по документам НОА, – русский обычай подавать челобитные представителям властей, которым активно пользовались новгородцы⁹⁹.

Подробное исследование первой серии НОА позволяет заключить, что все книги написаны разборчивым почерком писцов, имеющих специальное образование. Именно поэтому документы этой серии более доступны исследователю, чем материалы, содержащиеся во второй серии, которые написаны менее профессионально, зачастую неразборчиво, с большим количеством ошибок и сокращений, что, безусловно, затрудняет их чтение и транскрибирование.

Второй комплекс НОА состоит из свитков. Исключение составляют несколько печатных листов, которые были закатаны в свитки и содержат документы и акты, записанные на отдельных, склеенных вместе листах, что, кстати, служит доказательством их подлинности. Он включает в себя 368 «пунктов» из 7052 листа. По подсчетам В. Азбеля, около пятнадцати процентов дел второй серии состоят из одного – двух листов или отдельных фрагментов, что, по его мнению, свидетельствует о том, что фонд далек от своего первоначального вида¹⁰⁰.

Материалы второй серии состоят из купчих записей, служилых кабал, отпускных, судных дел, судебных грамот, расспросных речей, ведомостей об оплате, обыскных грамот, росписей, мировых грамот, поручных записей. К сожалению, не представляется возможным в данной работе более подробное описание документов данной серии, поэтому остановимся на наиболее часто встречающихся, а именно – земельных пожалованиях. Документы данного типа составляют около 1900 листов, то есть 25 % от общего числа. Как известно дворянам за службу полагались поместья. Многие, за поддержку шведов, обращались к последним с просьбой о приобретении земли из имений дворян, которые были убиты, взяты в плен, пропали без вести, бежали в Псков, Москву или под покровительство польского короля. Прощение на «освободившуюся» землю военнотружущие должны были предоставить сами. На один участок могли претендовать сразу несколько лиц, но получал его тот, кто приводил наиболее весомые аргументы, почему эта земля должна принадлежать именно ему¹⁰¹. Часто, получив, например, изменничье имение, сын боярский вскоре и сам оказывался в лагере изменников. Взаимные обвинения друг друга новгородскими дворянами и детьми боярскими возникали в зависимости от конкретной политической конъюнктуры в Новгороде – победы той или иной группировки, что четко прослеживается в документах второй серии НОА¹⁰².

Свитки содержат также информацию об организации канцелярии и ее отделов (встречаются даже имена клерков), что позволяет подробнее ознакомиться с делопроизводством Великого Новгорода. В документах НОА можно встретить упоминания не только об известных лицах, но и множестве неизвестных людей, включая представителей беднейших слоев – чаще всего упоминается только их имена или прозвища, по которым можно установить статус данного лица. Это позволяет не только воссоздать социальную структуру Новгорода начала XVII в., но и узнать о жизни простолюдинов.

Таким образом, НОА содержит огромное количество исторического материала, который в отличие от летописей не был рассчитан на публикацию, а потому гораздо менее субъективен, что позволяет исследователю проникнуться духом эпохи и построить собственную линию суждений и оценок всего того, что происходило в Новгороде при шведах. И первое, что бросается в глаза, это несоответствие режима, созданного в городе шведскими властями, общепринятому содержанию понятия «оккупация», которое предполагает наличие гнета, репрессий и притеснений населения со стороны завоевателей. Здесь же мы имеем картину нормально

---

⁹⁹ Нордландер И. Оккупационный архив Новгорода 1611 – 1617 гг. // НИС 6(16), СПб., 1997. С. 285.

¹⁰⁰ Азбель В. Из опыта работы с Новгородским оккупационным архивом. // НИС. 7(17). СПб., 1999. С.386.

¹⁰¹ Nordquist L. Land grant documents in the Novgorod Occupation Archives // Accounts of an Occupied City. Catalogue of the Novgorod Occupation Archives 1611– 1617. Stockholm, 2005. С. 65-66.

¹⁰² Селин А.А. Об «изменах» в Новгороде 1611-1616 гг. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 1(11). С. 5-13

функционирующего крупного города – развивающуюся торговлю, гарантированное владение собственностью, сохранение системы управления и хозяйствования, стремление властей обеспечить новгородцам правопорядок и др. Следует отметить, что документация продолжала вестись согласно русским традициям и на русском языке. Ничего похожего на противостояние новгородцев шведским «захватчикам» в документах НОА мы не находим. Напротив, можно привести много примеров их сотрудничества, что опять же далеко не соответствует нашим представлениям об оккупации.

В качестве гипотезы можно выдвинуть предположение, что при шведах в Новгороде возродились некоторые новгородские обычаи и традиции, которые были изъяты из общественной жизни города после его вхождения в состав Московского государства (1478 г.), однако этот сюжет требует дальнейшего исследования.

И.А. Бочарова, Л.Х. Авшалумова

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ ДАГЕСТАНСКОЙ СЕМЬИ

Семья как устойчивая социальная общность выступает мощным фактором формирования личности, передачи социального опыта, исторической памяти, этнокультурных традиций. В связи с этим особую актуальность приобретают исследования культурно-исторических и духовно-национальных устоев дагестанской семьи. Они аккумулируют в себе уникальный опыт духовно-нравственного воспитания. В дагестанской семье всячески поддерживается авторитет родителей как источник духовно-нравственного влияния на детей.

В настоящее время институт семьи переживает далеко не лучшие времена, и, по мнению некоторых исследователей, находится в состоянии некоего морально-нравственного кризиса. В поисках новых форм, которые необходимы, важно не утратить то ценное, что было накоплено в исторически обозримый отрезок времени. Как бы ни оппонировали «продвинутые» противники традиционной семьи, бесспорно, именно семейные узы являются непреложной ценностью для жителей планеты Земля.

Семья – важнейший государственный институт, на состояние которого объективно оказывает влияние сразу несколько факторов: экономика, духовное и нравственное состояние общества, физическое здоровье супругов... Причем для каждой конкретной семьи то или иное обстоятельство является определяющим¹⁰³.

По мнению А. Харчева, семью можно определить как «исторически-конкретную систему взаимоотношений между супругами, между родителями и детьми, как малую социальную группу, члены которой связаны брачными или родственными отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью и социальная необходимость в которой обусловлена потребностью общества в физическом и духовном воспроизводстве населения»¹⁰⁴.

Семья выступала и выступает явлением, заменить которое не способен ни один социальный институт. Именно в семье происходит приобщение к важнейшим социо- и этнокультурным ценностям – языку, национальным традициям, обычаям и обрядам. Здесь происходит знакомство с истоками истории своего народа, семьи, рода, с духовными пластами этноса – эпосом, сказками, песнями, пословицами и поговорками, всевозможными табу, религиозным культом. В семье закладывается чувство гордости за свой дом, близких людей, за свою малую родину. В семейной среде начинает формироваться этнический менталитет, стереотипы поведения.

Что касается исторических традиций дагестанской семьи, то ей присущи черты самобытности, прочности и устойчивости, тесные родственные отношения, тухумные связи. Самым большим несчастьем для дагестанцев считается бездетность. Того, кто не имеет ни семьи, ни родни, называют пакьир. Так же называли и того, кто умирал не на родине и оказывался похороненным на кладбище чужого аула. Главным счастьем человека считалось оставление потомства и смерть на родной земле. Дагестанцам присуще сознание неизбежности смерти, но им небезразлично, где умереть, они желают стать частью родной земли, слиться с нею.

Сегодня в Дагестане семья в основной своей массе зиждется не только светской основе, но и на исламской культуре. Кроме того, дагестанская семья веками вырабатывала свои приёмы воспитания толерантного поведения, которые выливались в своеобразные традиции, регламентирующие весь процесс воспитания в семье и обществе. Практикуются такие формы и методы воспитания, как убеждение, положительный пример, авторитет старших, поощрение и наказа-

---

¹⁰³ Лахова Е. Женщины России в третьем тысячелетии. М., 2005. С. 96.

¹⁰⁴ Харчев А. Брак и семья в СССР. М., 1979. С. 75.

ние. Они формировались путем передачи опыта из поколения в поколение и охранялись авторитетом.

Атмосфера межнационального взаимопонимания, построенного на совместной учебе, работе, на совместном переживании радости и тревог, сознание исторических корней сформировала у дагестанских народов осознание общности судьбы и неразлучности друг с другом. Подтверждением этого служит увеличение количества межнациональных браков. В Дагестане, как и в других регионах, межэтнические браки прежде всего стали распространяться в городах, а затем и в районных центрах. Высокий процент межнациональных браков в городах объясняется в первую очередь многонациональным составом производственных и студенческих коллективов и населения в целом, расширением социальных контактов, более высоким уровнем образования и культуры населения. В разных городах республики процентное соотношение межэтнических браков разное.

Факты свидетельствуют, что в советский период процесс образования этнически смешанных семей усилился. Если в 1959 г. их количество составляло 5,2 млн., или 10,2 % всех браков, то в 1979 г. – 9,9 млн., или 14,9 %, а в 1989 г. – 12,8 млн., или 17,5%¹⁰⁵. Что касается Дагестана, то, по данным Всесоюзной переписи населения в 1979 г., здесь каждая десятая семья была национально смешанной¹⁰⁶. Если учесть, что в городах межнациональные браки заключаются намного чаще, чем в сельской местности, нетрудно сделать вывод, что среди городского населения республики доля национально смешанных семей была еще выше. По подсчетам М.М. Магомедханова, в семи городах Дагестана в 1970-1979 гг. заключено 373390 браков, из которых большую часть (64 %) составили однонациональные браки и 26 % – межнациональные. От общего числа межнациональных браков (9873) – 23 % приходилось на союзы между женихами и невестами коренных национальностей Дагестана. Почти столько же составили браки дагестанцев с русскими, украинцами и белорусами (22 %), причем 85 % таких браков заключено дагестанскими мужчинами.

Все эти исторические особенности делают востребованным диалог культур на уровне микроколлектива-семьи, которая, в случае смешанного брака, складывается из суммы (синтеза) традиций различной этноконфессиональной природы.

---

¹⁰⁵ Топилин А. В. Межнациональные семьи и миграция: вопросы взаимовлияния // Социологические исследования, 1995. № 7. С. 76.

¹⁰⁶ Магомедханов М. М. Отражение этнических процессов в статистических показателях межнациональной брачности (на примере городов Дагестана) // Брак и свадебные обычаи народов современного Дагестана. Махачкала, 1988. С. 161.

Е.В. Габдрахманова, И.Э. Мингазов

СОХРАНЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ДОСТОЯНИЯ И АРХИТЕКТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В РТ (НА ПРИМЕРЕ ДОМА ФУКСА, КАЗАНЬ)

Своеобразие облика исторических городов определяется наличием в каждом из них таких характерных черт, как выразительность общего силуэта и панорамы города, необычная топография, особая живописность городских улиц и ландшафта, самобытность памятников древнего зодчества, местные художественные и строительные традиции. Утрата значительной части исторических градоформирующих доминант и вторжение резко диссонирующих объектов в историческую городскую среду является сложной проблемой многих исторических городов.

К сожалению, сегодня очень многие памятники отечественной истории и культуры находятся под угрозой разрушения, многие из них снизили свою ценность в результате воздействия хозяйственной деятельности, прямого или косвенного разрушительного воздействия климатических процессов. Ситуация усугубляется снижением в последние десятилетия объемов и качества работ по ремонту и поддержанию памятников, их бесхозностью, снижению государственного и общественного контроля и финансирования в сфере охраны памятников архитектуры, ведет, в конечном итоге, к их бесхозности. По оценкам специалистов РАН, состояние находящихся на государственной охране памятников истории и культуры почти на 80 % характеризуется как неудовлетворительное. Около 70 % нуждается в принятии срочных мер по спасению от разрушения, повреждения и уничтожения в результате проявления различных негативных явлений и процессов, включая экологические. Состояние большинства исторических поселений специалисты также оценивают как близкое к критическому.

Культурное наследие – духовный, культурный, экономический и социальный капитал невозместимой ценности. Наследие питает современную науку, образование, культуру. Наравне с природными богатствами, – это главное основание для национального самоуважения и признания мировым сообществом. Современная цивилизация осознала высочайший потенциал культурного наследия, необходимость его сбережения и эффективного использования как одного из важнейших ресурсов мировой экономики. Утраты культурных ценностей невозполнимы и необратимы.

Поистине массовый характер приобрели в последнее время необоснованный снос исторических построек и возведение на их месте объектов коммерческого строительства, которые и становятся главной угрозой для памятников истории и культуры. Сносятся ценные строения целью получения стройплощадок в центральных частях города, являющихся престижными.

Требования Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ о необходимости проведения по объектам культурного наследия научной реставрации с привлечением для ее выполнения специалистов-реставраторов, зачастую игнорируются, что приводит к подмене ремонтно-реставрационных работ работами по коренной реконструкции объектов культурного наследия, в том числе, связанной со строительством мансард, перепланировкой, возведением новых этажей и пристроек. При этом игнорируются требования сохранения окружающей среды объектов наследия, нарушается режим застройки на территории памятника и в зонах охраны. Около многих из них возводятся громадные новостройки. Не избежал подобной участи и наш город.

Актуальность исследования архитектурного культурного наследия столицы Татарстана обусловлена включением Казани в список городов мирового культурного наследия ЮНЕСКО и предстоящей Всемирной студенческой Универсиадой-2013. Эти события тесно связаны с притоком в город туристов и актуализируют проблемы сохранения архитектурного насле-

дия. Поэтому в стратегии развития города до 2015 года отмечена необходимость обеспечения сохранения культурного наследия и преемственности культурных традиций наряду с поддержкой многообразия культурной жизни и культурных инноваций, в том числе через эффективную государственную охрану и использование недвижимых памятников истории и культуры, сохранение ценностей материальной и духовной культуры.

В Казани к 2013 г. восстановят 66 объектов культуры, из которых 25 – историко-архитектурные памятники. Количество объектов культурного наследия в республике приближается к 7 000, из них 1 500 – на государственной охране, 1\3 из них находится в столице республики. В этом плане Казань сопоставима с Москвой и Санкт-Петербургом. Особую актуальность приобретает вопрос собственности памятников. В муниципальной собственности состоит 741 объект культурного наследия, причем в основном это многоквартирное жилье, 201 памятник находится в частной собственности, в собственности религиозных организаций – 94¹⁰⁷.

Характерной особенностью Казани является, особенно являлась до 2000-х годов, определенная сохранность исторического центра города (его ядра, а также Старо-Татарской слободы), застроенного особняками, доходными и торговыми домами, зданиями промышленной и культурной архитектуры XIX – начала XX веков – такими как, например, бывшие владения купцов и купеческих династий Дом Шамиля, Дом Кекина, Дом Апахановых, Сайдашевых, Унжениных, Усмановых, Апаковых, Веринных, Д. И. Вараксина, А. М. Музурова, В. Е. Соломина и других¹⁰⁸.

Начиная со второй половины 90-х годов, в рамках программ ликвидации ветхого жилья и подготовки к празднованию тысячелетия города, многие здания, пришедшие за многие десятилетия ненадлежащего ухода в состояние, не подлежащее восстановлению, были снесены, а некоторые остаются в разрушающемся ветхом состоянии. Так, например, ушли в прошлое некоторые исторические архитектурные памятники XVIII – XIX веков – дом, где родился Фёдор Шаляпин, дом-музей Льва Толстого. Среди остающихся в обветшавшем положении зданий выделяются – гостиница «Казань», ряд зданий по улице Московская (бывшая Кирова) и дом Фукса.

Дом Фукса был построен в начале XIX века в стиле "классицизм". В 1805 г. в него вселился приехавший работать в Казань немецкий ученый Карл Фукс¹⁰⁹ – врач, выдающийся ученый-краевед, ректор Казанского императорского университета (1823-1827 гг.). Здание было своеобразным центром интеллектуальной жизни города. Тут бывали Лобачевский, Боратынский, Языков, Сперанский, именно в этом доме Александр Пушкин провел весь вечер 7 сентября, когда в 1833 году собирал в Казани материалы для "Истории Пугачева". Дом был включен в федеральную целевую программу по подготовке к 1000-летию Казани. Но на его реставрацию не хватило средств. Сейчас у дома печальный вид: крыша обвалилась, на месте прихожей и гостиной образовалась свалка, оконные проемы заколочены металлическими листами и пестрят рекламными объявлениями.

Именно этот памятник стал объектом, впервые объединившим казанцев в стремлении остановить разрушение исторической и культурной среды центра Казани. Именно от дома Фукса стартовала 11 декабря 2010 г. первая общественная акция в защиту казанских памятников: в "экскурсии-шествии" по Старо-Татарской слободе приняли участие около сотни казанцев. В начале этого года активисты городской инициативной группы по восстановлению дома Фукса и татарстанского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры организовали уже два подобных шествия по другим разрушаемым памятникам Казани.

---

¹⁰⁷ Стратегия развития Казани до 2015 года. Казань, 2003.

¹⁰⁸ См.: Халитов Н.Х. Памятники архитектуры Казани XVIII – начала XIX вв. М., 1991.

¹⁰⁹ Бобченко Т., Гарзавина А., Синицына К. Казань. Путеводитель. Казань, 1970; Гафаров И.А. Перелистывая страницы истории. Казань, 1996.

Необходимо подчеркнуть, что вышеописанные негативные процессы в сфере культурного наследия, в том числе в рамках нашего города, в значительной степени явились следствием межведомственной разобщенности, несогласованностью действий некоторых федеральных и региональных органов власти и местного самоуправления и, что не менее важно, фактического отстранения общественности от участия в принятии решений в данной сфере.

Поэтому главным условием обеспечения сохранности объектов культурного наследия в настоящее время является совершенствование государственной политики на основе всестороннего учета состава и состояния объектов культурного наследия, современных социально-экономических условий развития общества, реальных возможностей органов власти, местного самоуправления, общественных и религиозных организаций, иных лиц, особенностей национально-культурных традиций народов Российской Федерации и множества других факторов. Последние десятилетия с их новыми экономическими и социально-политическими реалиями обострило ряд проблем в области охраны объектов старины, решение которых невозможно без учета опыта прошлых лет. Одна из этих проблем – приватизация памятников и формирование различных форм собственности на них. В связи с этим регламентация прав собственников со стороны государства, выработка оптимальных отношений сторон – один из важнейших вопросов сегодняшней памятникоохранительной политики.

Приватизация памятников архитектуры и истории частными лицами была разрешена еще в 1994 г. И если в Москве и Петербурге найти желающих довольно легко, с поиском покупателей на культурное наследие регионов дела обстоят тяжелее. Именно это случилось с домом Фукса.

В конце минувшего года исторический памятник был продан на аукционе ООО "Арден" за миллион рублей. Согласно условиям контракта, владелец должен был вложить в его реконструкцию не менее 63 миллионов рублей. Планировалось, что здание будет реконструировано под гостиницу в стиле старой Казани первой половины XIX века. Но после всех расчетов инвестор отказался от своих обязательств, поняв, что не сможет их выполнить. Зия Валеева посетовала, что "из-за не очень щадящего законодательства" бизнесмены, которые искренне хотят принять участие в сохранении исторического наследия, не получают необходимых преференций, достаточных налоговых льгот. К тому же не всегда при покупке здания бизнесмены и компании представляют себе те объемы средств, которые будет необходимо вложить в реставрацию. Теперь дом будет оформлен в республиканскую собственность и предположительно попадет под долгосрочную целевую программу "Мирас-Наследие" на 2011-2015 гг. Министерство культуры республики предполагает создать в отреставрированном здании музейный комплекс.

Таким образом, несмотря на то, что культурное наследие России сегодня активно вовлекается в мировое культурное пространство, полноправной частью наследия мирового оно станет только тогда, когда российское общество осознает необходимость сохранения своего национального достояния и в стране будет создано действенное охранное законодательство.

П.И. Гайденко

ЦЕРКОВНАЯ ТИТУЛАТУРА В ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Определение места епископата в восточнославянском обществе и особенно уточнение этого места в древнерусских элитах Киевской Руси поднимает вопрос о комплексе светских прав, какие могли усвоить высшие церковные чины того времени. На то, что епископы обладали таким ресурсом, указывает употребляемое в отношении ряда архиереев именование «владыка». Принято считать, что такое обозначение $\tau\eta\varsigma$, несомненно имевшего епископов является калькой с греческого слова « $\delta\epsilon\omicron\lambda\omicron$ » не только церковные, но и светские корни и обозначающего «обладатель, хозяин, распорядитель, властитель, верховный правитель и государь». Однако при оценке указанного именованья епископа пока не совсем понятно, из какой именно среды был заимствован данный титул: из светской или (и) церковной. При этом нельзя исключать и того, что он мог возникнуть под воздействием различных канонических и юридических влияний, в результате сопоставления статусного положения епископа с положением других представителей высшей церковной и светской власти на Руси и в Европе. Более того, появление титула «владыка» может быть рассмотрено как следствие переосмысления места и роли епископа в церковной организации и в древнерусском обществе.

Сложность ситуации заключается ещё и в том, что в церковной истории практически не поднимались вопросы церемониального характера. Практически не изучены ни порядок, ни способы отношений и обращений в церковной среде Древней Руси. Важность этой стороны жизни официальных лиц, к которым в равной мере могут быть отнесены и высшие духовные чины, самоочевидна. Титул представляет собой одну из официально закреплённых форм обращения к человеку, исполняющему определённые функции, занимающему особое общественное место и несущему известную ответственность за свои поступки. Одновременно титул выступает маркером, позволяющим безошибочно определить роль и место носителя в социальной среде и государственном механизме, а также круг его прав и обязанностей.

В христианском мире Владыка – одно из божественных имён. Поэтом обладатель этого титула в известной мере может рассматриваться как лицо, наделённое некой божественной санкцией, возводящей его власть к власти Владыки Небесного¹¹⁰. Одним из источников появления данного обозначения епископов могли быть литургические обращения к епископу. Например, подобное обращение присутствует в пении архиерейского «многолетия» или постоянных обращениях к епископу: «Благослови, Владыко». Впрочем, здесь не всё однозначно, потому что указанное обращение в Евхаристическом каноне предполагается и в адрес обычного священника. Но даже, если источником титула могла стать литургия, то всё равно необходимо разобраться, насколько такой перенос литургической практики в светскую жизнь мог быть оправданным и допустимым.

Прот. Владислав Цыпин высказал мнение, что в домонгольской Руси употребление имени «владыка» имело «неофициальный характер»¹¹¹. Действительно, в таком случае многие стороны морально-этического и канонического свойства, связанные с переносом сакральных элементов в область профанного были бы решены. Однако данная точка зрения видится сомнительной. Во-первых, использование указанного обозначения епископов в домонгольской Руси было не повсеместным и имело ограниченный характер. Оно зафиксировано только в отноше-

¹¹⁰ Словарь русского языка XI-XVII вв. М., 1975. Вып. 2. С. 212-213; Цыпин В., прот. Владыка // Православная энциклопедия. М., 2005. Т. 9. С. 101 [далее – ПЭ].

¹¹¹ Там же. С. 101.

нии архиереев двух кафедр: Новгородской и Владимирской (на Клязьме). В описанных обстоятельствах заслуживает внимания тот факт, что летописание не сохранило ни одного известия, чтобы кто-либо из архиереев домонгольского периода какой-либо иной епископии кроме Новгорода и Владимира именовался подобным образом не только со стороны князя, но и со стороны церковных лиц. Лишь единожды обращение «владыко» было адресовано к митрополиту. Этот эпизод связан с деятельностью митрополита Иоанна II. Сообщение донесено в претерпевшем существенные поздние правки Печерском патерике¹¹². Однако интерпретировать этот нюанс в отношении митрополита Иоанна, имевшего знатное происхождение, обладавшего титулом «протисинкела»¹¹³ и пользовавшегося огромным доверием Всеволода Ярославича¹¹⁴, крайне трудно¹¹⁵. Во-вторых, этот титул имел особое значение и его носитель наделялся крайне высоким положением и даже священным положением в городском сообществе. Так, например, обращаясь в 1229 г. к новгородцам, князь Михаил произнёс: «несть лепо бытии граду сему безо владыце». Но более примечательно решение новгородцев в споре между архиепископами Митрофаном и Антонием (1219) за новгородскую кафедру: «Идита к митрополиту, да кого нам послеть, то намъ владыка»¹¹⁶. Конечно, вопрос в тот год стоял о выборе архиепископа, но в городе уже было два архиерея. Поэтому перед горожанами стоял важный вопрос о том, кто из архиепископов станет «владыкой», носителем власти, а кто должен будет отказаться от притязаний и удалиться.

Впрочем, не трудно заметить, что использование данного обращения имело адресный характер, и, возможно, отражало реальную власть конкретных архипастырей. Из владимирских архиереев «владыкой» в раннем летописании был назван только Феодор. Автор известий о ростовском епископе не скупился на эпитеты и нелестные характеристики в адрес ненавистного архипастыря и уничижительно называл его «Фодорцом». И всё же при этом летописец сообщал о Феодоре как о «владыке»¹¹⁷. В более поздний период, во время осады Владимира татарами местный епископ Митрофан (1238) также именовался «владыкой той области»¹¹⁸. Вероятно, это связано с обстоятельствами событий и действиями архиерея, употреблявшего всю полноту своей епископской власти.

Ситуация с Новгородом видится более сложной. Одно из первых употреблений здесь титула «владыка» связано с именем епископа, а позже архиепископа Ильи (1167/68). Сообщая о возведении епископа Ильи в сан архиепископа, Новгородская первая летопись помимо всего приводит следующее известие: «и повелено бысть владыце архиепископство митрополи-

¹¹² Киево-Печерский патерик // Библиотека литературы Древней Руси: Т. 4: XII в. / под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб., 2004. С. 314, 315.

¹¹³ Титул Иоанна прочитывается на его булле, а на знатность происхождения митрополита указывает одно из византийских произведений, упоминающих о его родне (*Янин В.Л.* Актовые печати в Древней Руси: Печати X – начала XIII в. М., 1970. Т. 1. № 44; Назаренко А.В. Иоанн II // ПЭ. М., 2010. Т. 23. С. 471-475).

¹¹⁴ Об авторитете Иоанна свидетельствует не только его свободное поведение в Печерском монастыре, но и посмертное слово: «Быс[ть] же Иоан мужъ хытръ книгамъ. И оученью. м[и]л[о]ст[и]въ оубогымъ. и вдовицамъ. ласковъ же ко всякому б[ог]ату и оубогу. смиренъ же и кротокъ. молчаливъ. речистъ же книгами с[вя]тыми. оутешая печальныя. и сякого не быс[ть] преж[е] в Руси. ни по немъ не будетъ сякъ» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 208).

¹¹⁵ Возможно, это была поздняя вставка. Но есть ещё несколько обстоятельств, нуждающихся в комментарии. Во-первых, освящение Успенского собора (1089) в Печерском монастыре пришлось на период усиления власти митрополита над обителью и в киевском округе. Поэтому возможно, такое обращение епископов к архиерею во время богослужения отражало как литургическую норму, так и реальное положение дел в области канонических отношений в Русской церкви, характеризовавшееся усилением власти митрополита, поддержанного великим князем Всеволодом. Во-вторых, Иоанн был греком, поэтому разговор, если такой действительно произошёл, был передан в переводе. Следовательно, можно предположить, что «*desnotis*», вероятно, было обращением к митрополиту Иоанну. Учитывая, что ни один источник не сохранил каких-либо обращений к митрополиту, не исключено, что указанное обращение к Иоанну II могло отражать его статус «протосинкела».

¹¹⁶ ПСРЛ. Т. 3. С. 274,261.

¹¹⁷ Автор известий о ростовском епископе не скупился на эпитеты и нелестные характеристики в адрес ненавистного архипастыря, уничижительно называл его «Фодорцом», и всё же при этом писал о нём как о «владыке» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 355).

¹¹⁸ ПСРЛ. Т. 3. С. 287.

томъ»¹¹⁹. Очевидно, носители епископского сана в Новгороде и ранее обладали «владычным» статусом. Вероятно, такое положение дел стало складываться при архиепископе Нифонте. А при Илье, по мере окончательного закрепления за новгородской кафедрой архиепископского статуса, титул в полной мере вошёл в употребление в качестве особого, отличительного права новгородских архиереев. И в этом отношении пример Ильи показателен, поскольку «владыкой» он считался уже до возведения в архиепископы. Этот новгородский архиерей, вероятно, совопрошатель Кирика¹²⁰, действительно обладал значительной властью не только в церковной, но и в светской среде, о чём можно судить как по совершённым в период его святительства строительным работам, так и по тому, что именно при нём новгородцы вновь добились архиепископского сана для своего архиерея, правда, заплатив за это в Киев, князю Ростиславу и митрополиту Иоанну, при которых особенно расцвела церковная симония, значительную мзду¹²¹.

Подобным образом «владыкой» до возведения в архиепископство был назван преемник Ильи, игумен Дионисий. В дальнейшем подобное именование архиереев Новгорода становится привычным. Следующий архиерей с именем Илья упоминается в качестве «владыки» несколько раз. Он поименован «владыкой» под 1180 г. в известии о закладке каменной церкви в монастыре Благовещения и под 1182 г. в сообщении об окончании строительства надвратной церкви Богоявления. Наконец, Илья назван «владыкой» в известии о его смерти и погребении (1186). Аналогично именовались и иные архиепископы: Гавриил, брат Ильи (1191, 1192), Мантурий [Мартирий] (1194, 1195, 1196, 1197, 1200), Митрофан (2001, 1202, 1220, 1222) и Антоний (1225, 1226, 1228)¹²². Все перечисленные случаи упоминания титула «владыка» связаны с торжественными событиями, имевшими официальный и знаковый характер.

Затрагиваемая проблема поднимает не менее интересные вопросы, которые до сих пор не получили ответов в историографии: как обращалось духовенство друг к другу? какими были формулы таких обращений? Более того, интересно определить, как обозначался архиерей в древнерусских письменных источниках. Поиск ответов на заданные вопросы нуждается в самостоятельном исследовании. Вместе с этим предварительные наблюдения в отношении митрополитов и архиереев позволяют сделать следующий во многом ещё «сырой» вывод. Если каноничность власти архиерея вызывала сомнения или была спорной, то его имя, как правило, не сопровождалось указанием сана¹²³. Но при обычном упоминании архиереев их чаще всего отмечали с указанием кафедры¹²⁴. В этом отношении примечательны агиографические тексты,

¹¹⁹ ПСРЛ. Т. 3. С. 219.

¹²⁰ Помимо преп. Кирика составителями «Вопрошания», согласно записи, значились священники Савва и Илья [РИБ. Т. 6. Ч. 1. Стб. 51, 57]. Судя по комплексу вопросов, интересовавших священников, можно заключить, что их статус в церковной среде был крайне высок (Гайдено П.И., Фомина Т.Ю. О церковном статусе Кирика Новгородца и иных составителей вопрошания // Вестник Челябинского государственного университета: История. Выпуск 51. 2012. 16 (270). С. 83-92). Вполне возможно, что именно этот священник Илья в дальнейшем и был поставлен на новгородскую епископскую кафедру (ПСРЛ. Т. 3. С. 219).

¹²¹ В.Н.Татищев, ошибочно назвав вместо Ильи Луку, приводит следующее сообщение: «Новгородский епископ Лука, как старший из всех русских епископов, послал к митрополиту Иоанну дары многие и просил, чтобы ему быть архиепископом. <...> Митрополит, поставив его, дал ему ризы дорогие с крестами, стихарь и мантию с источниками. Он же возвратился в Новгород и принят от народа с великою радостью, приносили ему дары многие, золото, серебро и вещи из шелка, чтобы было ему что послать по обещанию великому князю, митрополиту и боярам, которые ему в том помогали» (Татищев В.Н. История Российской. В 3 т. М., 2005. Т. 2. С. 330).

¹²² ПСРЛ. Т. 3. С. 269, 270.

¹²³ Например, преподобный Кирик Новгородец при передаче слов митрополита Климента Смолятича, не признанного новгородским епископом Нифонтом и патриархом, так ни разу и не назвал Климента митрополитом (РИБ. Т. 6. Стб. 29, 31).

¹²⁴ Примером этого могут служить упоминания о соборных службах 1072 и 1115 гг., связанных с перенесением мощей Бориса и Глеба (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 181, Т. 2. Стб. 280; Успенский сборник XII-XIII вв. / сост. О. А. Князевская и др.; под ред. С. И. Коткова. М., 1971. С. 62).

в которых «добрые» архиереи именовались с прибавлением «святитель», а недостойные – лишь согласно их сану или без указания сана или имени¹²⁵.

Применительно к рассматриваемому времени титул «владыка» встречается только в летописании и актовых памятниках, что свидетельствует в пользу официального значения такого обозначения епископа. Впрочем, названные источники и в том числе агиографические тексты, как уже было сказано, использовали и иные способы именованья архиереев: по городам, в которых располагалась их кафедра, согласно сану, «мужем», что подчёркивало благородство происхождения¹²⁶, или же называли «святителем», акцентировав внимание на сакральной стороне архиерейского служения.

В связи с определением значимости титула «владыка» представляет уточнение круга отличительных прав и полномочий обычного епископа от того комплекса административно-правовых ресурсов, какими обладал епископ-владыка.

Круг канонических и иных возможностей новгородских архиереев хорошо изучен. Он включал в себя не только сугубо архиерейские богослужебные и судебно-административные права, но и такие специфические полномочия, как участие в управлении городом и контроль в сфере торговли¹²⁷. Последнее обстоятельство особенно интересно. Устав князя Всеволода действительно наделял церковь существенными контрольными правами в области торговли. Более того, новгородский архиепископ в обозначенном уставе именовался «владыкой»¹²⁸. В дальнейшем данное представление об архиепископе вошло в международные торговые соглашения Новгорода. В.Б. Перхавко обратил внимание на то, что с начала XIV века в преамбулах международных договоров Новгорода использовалась не только обычная формула «от архиепископа новгородского», но и иной вариант отражения властных полномочий местного архиерея – «благословение от владыки». Поэтому можно утверждать, что указанная особенность оформления договоров подтверждает принципиальную важность титула «владыка». Учитывая, что с XII в. большинство новгородских святителей были избираемы самими горожанами, что так и не смогло закрепиться за иными епископскими кафедрами¹²⁹, и в итоге неподсудны без согласия Новгорода Киеву, можно заключить, что власть новгородских архиереев приобрела особый ореол, а именование «владыка» величайшую ценность.

Впрочем, уже в следующие столетия рассматриваемый титул получил более широкое использование. Так, например, в XVI в. ростовский архиепископ Алексей подписывался как

---

¹²⁵ Пример подобного отношения – текст «Сказания о житии Антония Римлянина». Епископ Никита, личность которого пользовалась явными симпатиями со стороны Антония Римлянина и его последователей не единожды именовался «святителем». В это же время покушавшийся на автономию Антониева монастыря некий епископ, скорее всего всевластный Нифонт новгородский, не был даже назван по имени (Сказание о житии преподобного и богоносного отца нашего Антония Римлянина // Святые русские римляне: Антоний Римлянин и Меркурий Смоленский. СПб., 2005. С. 255, 256, 257, 258, 259, 262, 263, 264, 269; Мильков В.В., Симонов Р.А. Кирик Новгородец: учёный и мыслитель. М., 2011. С. 58-66). Однако представленное наблюдение имеет предварительный характер и нуждается в более детальной проработке сюжетов..

¹²⁶ Так был назван в посмертном слове митрополит Иоанн (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 208).

¹²⁷ Перхавко В.Б. Церковь и внешнеэкономические связи Руси в XI-XIV вв. // Церковь, общество и государство в феодальной России /отв. ред. А. И. Клибанов. М., 1990. С. 61.

¹²⁸ Устав новгородского князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах торговых // Шапов Я.Н. Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. М., 1976. С. 153-158; о дном Уставе и его значении см: Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 82-93; Шапов Я.Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси. М., 1972. С. 165-177.

¹²⁹ Попытки избрания епископа прослеживаются в Турове и Суздале. Прежде всего, эти случаи связаны с именем Кирилла Туровского, житие которого прямо указывает, что тот был избран князем и горожанами (Житие Кирилла Туровского // Мельникаў А.А. Кірыл, епіскап Тураўскі. Жыццё, спадчына, светапогляд. 2-е выд. Мн., 2000. С. 14-16). Его преемник, затворник Лаврентий, не был из числа местных граждан. Но судя по всему, его кандидатура так же была одобрена местной знатью. Что касается Суздаля, то данный случай связан с историей конфликта, вызванного требованием местной знати поставить на кафедру этого города печерского воспитанника Луку вместо присланного из Киева грека Николая. В 1183-1185 г. суздальцы и их князь Всеволод Юрьевич категорически отказались принимать у себя византийца, ибо «не избраша сего людьє» и хоть и не без усилий, однако добились руположения желанного ими кандидата (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 629-630).

«смиранный архиепископ Ростовский и Рославский Белозерский владыка Алексей»¹³⁰. Но даже по прошествии трёхсот лет применённая формула архиерейского титула не позволяет видеть во «владыке» некий обычный синоним епископского сана и «неофициальную» форму обращения.

Подобный круг прав епископа-владыки хорошо прослеживается и во Владимире в период епископства Феодорца. О широте власти этого архиерея свидетельствует не только независимость от митрополита, но и иные права: во-первых, возможность наложения интердиктов¹³¹, которые никто так и не опротестовал, если не считать укоризн от епископа Кирилла Туровского¹³²; во-вторых, не только совершение суда, но и применение пыток и казней¹³³, что обычно было прерогативой княжеской власти. В-третьих, каноническая неподсудность Киеву. Здесь необходимо обратить внимание, что описанный в летописании суд над Феодорцом полон недосказанности и отчасти показал бессилие митрополичьей власти над владимирским епископом, если допустить, что возможно, жестокая расправа над Киевом и ограбление церковей могли быть спровоцированы в том числе и этой казнью.

Но здесь возникают определённые затруднения. Вероятнее всего титул «владыка» был калькой с греческого «деспотис», однако в русской традиции при применении данного именованя к архиерею акцент делался не на духовном господстве епископа, «кириос», а на комплексе его светских прав и функций в городе или церковном округе. Греческая церковная иерархия, опиравшаяся на древнюю гражданско-церковную систему права и чиновничество, кажется, не знала подобных притязаний на светскую власть со стороны епархиальных архиереев. Описанные амбиции могли встречаться лишь на присоединённых территориях, например в Болгарии¹³⁴, но не на греческой земле. Конечно, константинопольские патриархи порой стремились и нередко даже достигали колоссального влияния на государственные дела и политическую жизнь в столице¹³⁵, но представить себе подобные претенциозные действия со стороны рядовых византийских епископов или архиепископов крайне сложно. Поэтому вызывает сомнение то, что комплекс полномочий, находившихся в руках и в ведении епископавладыки, имел византийское происхождение, поскольку само возникновение русского варианта титула связано главным образом, с расширением комплекса светских прав местных архиереев.

В возникших условиях было бы продуктивным сопоставить права епископа-владыки с кругом прав «светского меча» латинского епископата, поскольку комплекс полномочий древнерусского владыки определялся теми возможностями, которые ему делегировались со стороны города или князя как представителю светской власти. В представленной работе провести такой анализ, к сожалению, не представляется возможным. Однако описанные обстоятель-

¹³⁰ Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 2: В-Волога. М., 1975. С. 212.

¹³¹ Закрытие владимирских храмов можно однозначно квалифицировать как интердикт (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 355).

¹³² В одном из своих посланий к Андрею Боголюбскому Кирилл Туровский обличил и князя, и его любимца, епископа Феодора, в воровстве во вручённом им «винограднике». Суть обличений выходит за рамки явных упреков в усвоении Феодором епископского сана, но указывает на явные злоупотребления (Кирилла монаха притча о человеческой душе и о теле, о нарушении Божьей заповеди и о воскрешении тела человеческого, о Страшном Суде и мучении // Колесов В.В. Кирилл Ткровский. М., 2009. С. 30-35). Наиболее вероятно, что речь идёт в том числе о действиях Феодора в Ростове (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 355-356).

¹³³ Лаврентьевская летопись передаёт следующие подробности епископского суда: «Много бо пострадаша ч[e]л[о]вечи от него въ держаньи его. и сель избебывши и оружиа. и конь. друзии же и роботы добыша. и заточенья же и грабленья. не токмо простыем но и мнихом. игуменом и еремель. безъм[и]л[о]стивъ сын мучитель. другымъ ч[e]л[о]в[е]комъ головы порезывая и бороды. иным же очи выжигая. и языкъ оурезая. а инья распиная по стене» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 355-356).

¹³⁴ Примерами избыточествующей амбициозности епархиальных архиепископов и епископов изобилует не только история Руси (об автокефалистских настроениях на Руси см.: Мильков В.В. Духовная дружина русской автокефалии: Лука Жидята // Россия XXI в., 2009. № 2. С. 116-157; он же. Духовная дружина русской автокефалии: Иларион Киевский // Россия XXI в., 2009. № 4. С. 112-157; № 5. С. 98121), но и история христианства у южных славян (см. Скурат К.Е. История поместных православных церковей. М., 2011. Ч. 1. С. 101-106, 245-253).

¹³⁵ Дагрон Ж. Император и священник. Этюд о византийском «цезарепапизме». СПб. 2010. С. 386-395.

ства делегирования епископу городом и князем широких светских прав, закрепляемых, в том числе, в форме награждения титулом, напоминают инвеституру¹³⁶. То есть можно заключить, что носитель титула «владыка» наделялся светскими правами, подобными тем, какие предоставляло епископам Западной Европы наделённым правами «светского меча». Учитывая, что в отношении Средневековья полного и ясного разделения между светским и религиозным в природе государства и церкви не существовало, в конкретных социально-политических и религиозных условиях, это приводило к возникновению оригинальных форм властных церковных институтов. Институт «владык» вполне может рассматриваться в качестве одного из таких примеров.

---

¹³⁶ Гайдено П.И. Очерки истории церковно-государственных отношений в Киевской Руси: Становление высшего церковного управления (1037-1093 гг.). Казань, 2006. С. 147-158; Костромин К.А. Церковные связи Древней Руси с Западной Европой (до середины XII в.): дисс. ... к.и.н. СПб., 2011. 30-34.

Е.Х. Гезалова, Н.Б. Мамедова
МЕСТО И РОЛЬ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ
АКАДЕМИКА Я.М. МАХМУДОВА В ИЗУЧЕНИИ
ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ДИПЛОМАТИИ

Средневековая дипломатия, в том числе дипломатические отношения Востока с западноевропейскими странами представляют собой одну из важных проблем исторической науки. Всестороннее исследование международных отношений Средневековья имеет большое значение для более полного уяснения многих проблем истории Востока и Запада. Без основательного изучения данного вопроса невозможно полностью охватить как отдельную научную проблему, так и всеобщую проблему истории дипломатических отношений Средневековья. По этой причине изучение истории взаимоотношений азербайджанских государств Аккоюнлу и Сефевидов с западноевропейскими странами имеет целую историографическую традицию.

Известно, что на протяжении нескольких столетий Запад внимательно изучал историю, культуру, психологию Востока. Однако результаты исследований были выдержаны в соответствии с духом колониализма. Западные историки Р.Сейвори, К.Рехборн, А.Лэмбтон, Дж.Вудс, Дж.Парри, М.Постан¹³⁷, в той или иной степени занимавшиеся исследованием истории государств Аккоюнлу и Сефевидов, пытались прикрыть колониальную политику Европы под предлогом расширения османских завоеваний. Они не только не отмечали государства Аккоюнлу и Сефевидов в качестве азербайджанских государств, но еще и абсолютно не исследовали истинные причины противостояния в XV-XVII вв. Османского и Сефевидского государств- ведущих сил тюркского средневекового мира.

Ситуация неадекватного освещения данной проблемы была характерна и для советской историографии. Долгое время в распоряжении русскоязычного читателя по этой проблематике имелись исследования историков Т.И.Абашидзе, М.А.Абидова, М.С.Абрамяна, К.З.Ашрафяна, Н.Г.Гелашвили, В.А.Джавахи, У.Х.Наджаряна, В.А.Папазяна¹³⁸ и других. Эти исследования не только искажали историю Азербайджана, но и, представляя государства Аккоюнлу и Сефевидов как иранские государства, в целом не были написаны в рамках истории Азербайджана. Вне зависимости от того, были ли представлены вышеназванные династии как тюркские или нет, советские авторы в своих произведениях искажали историческую географию, этническую историю, традиции государственности, политическую и культурную систему Азербайджана XV-XVII вв., и представили эту страну в качестве периферии, окраины политической, социально-экономической, культурной, а также международной системы этого периода.

В 1960-е гг., когда существовали такие пустоты, «белые пятна» по такому значимому периоду истории Азербайджана, как XV-XVII вв., опубликована работа Ягуба Махмудова

---

¹³⁷ Hinz W. Schah Esmail II. Berlin, 1933; A.Lambton. Theory and practice in medieval Persian government. London, 1980; J.Malcolm. The history of Persia, from the most early period to the resent time, vol. I. London, 1815; J.Parry. The Establishment of European hegemony. New York, 1961; R.Savory. Iran under the Safavids. Cambridge, 1980; P.Sykes. A history of Persia, vol. I. London, 1951; J.Wilson. The Persian Gulf. Oxford, 1928; J.Woods. The Aqquyunlu. Clan, Confederation, Empire. Chicago, 1976.

¹³⁸ Абашидзе Т.И. Из истории персидской дипломатии XVI-XVIII вв.: автореф. дис. ... канд.ист.наук. Тбилиси, 1975; Абидова М.А. Государство Ак-коюнлу в Иране во второй половине XV века: автореф. дис. ... канд.ист.наук. Ленинград, 1953; Абрамян М.А. К истории внешней политики государства Ак-коюнлу: автореф. дис. ... канд.ист.наук. Баку, 1954; Гелашвили Н.Г. Из истории ираногрузинских взаимоотношений (30-е гг. XVII века): автореф. дис. ... канд.ист.наук. Тбилиси, 1978; Джавахия Б.А. Из истории ирано-грузинских взаимоотношений (XVI в. и первая треть XVII в.): автореф. дис. ... канд.ист.наук. Тбилиси, 1986; Наджарян У.Х. Турецко-иранские отношения в XVI в. и Армения: автореф. дис. ... д-ра ист.наук. Ереван, 1970; Папазян В.А. Торговые магистрали Тебриз-Алеппо и Тебриз-Смирна в системе торговых отношений Сефевидского государства с Западом: автореф. дис. ... канд.ист.наук. Тбилиси, 1986.

«Взаимоотношения государства Аггююнулу с Венецией (60-70-е годы XV века)»¹³⁹. Размышления молодого историка о внешней политике Османской империи, о династии Аггююнулу как одном из древних тюркских племен Азербайджана и о роли, сыгранной ею в истории государственности, размышления о колониальной политике европейских государств были новыми, соответствующими национальному духу и научно аргументировались.

Евроцентристы, считавшие Османскую империю «естественным врагом» Запада, представляли в своих трудах антиосманские мероприятия европейских стран, в том числе Венгрии, Венеции, Габсбургов, Папского государства, как «вынужденные шаги», предпринятые перед опасностью османских завоеваний. Ягуб Махмудов сумел доказать, что наряду со стремлениями европейских государств объединиться против Османской империи, с попыткой создания антиосманских союзов с государством Аггююнулу ведущим фактором колониальной политики названных государств являлись их захватнические планы по максимальному овладению землями и привилегиями на Востоке.

---

¹³⁹ Махмудов Я.М. Взаимоотношения государства Аггююнулу с Венецией (60-70-е гг. XV века): автореф. дис. ... канд.ист.т.наук. Баку, 1966.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.